

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПАЛИМПСЕСТ ТВОРЧЕСТВА М. ГОРЬКОГО НА КАПРИ

MARINA A. ARIAS-VIKHIL

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES (IWL RAS)

Abstract – *Italian Palimpsest of M. Gorky's Writings in Capri*

The author of the article actualises the Italian genotext of A.M. Gorky's creativity of the Capri period. Neither before nor after the work of "the Stormy Petrel of the Revolution" was characterised by such a joyful and "spiritually uplifting" worldview as it was on the island of Capri. Despite the fact that Gorky wrote about Russian life, his works of this period reveal an "Italian palimpsest", which became the subject of analysis. Gorky's works *Confession* (1907-1908), *Summer* (1909), *Gorodok Okurov* (1909-1910), *The Life of Matvei Kozhemyakin* (1910-1911) have not been analysed by researchers from the point of view of the Italian presence. The Italian palimpsest of Gorky's Capri oeuvre was first brought to the attention of one of the first chroniclers of "Russian Capri", the writer Alexei Zolotarev, who pointed out the main peculiarity of this period of the writer's work, which still raises many questions for literary historians.

Keywords: A.M. Gorky; Capri; Italian palimpsest; Russian Capri.

Социокультурный феномен «русского Капри» редко становится предметом специального исследования, хотя по своей значимости в русской культуре, литературе и истории давно должен был бы привлечь внимание ученых. Суть феномена «русского Капри» в значительной степени связана с фигурой М. Горького и его пребыванием на Капри в 1906–1913 гг. Как уникальное явление русской литературы и истории «русский Капри» сложился благодаря притягательности личности Горького и его особой роли в русской и мировой культуре XX века. Проводя аналогию с античным преданием об острове сирен, прообразом которого в «Одиссее» Гомера послужил Капри, один из первых летописцев «русского Капри» Алексей Золотарев вспоминал:

Пребывание Горького на острове сирен сделало его самого сладкоречивою сиреною этих мест, его радушие и постоянные ласковые зовы и призывы на Капри создали в короткое время у русских художников традицию не только приезда на Капри, но более или менее длительного пребывания здесь и работы в тихой обстановке острова

[Золотарев РГАЛИ].

На Капри съехались русские писатели, журналисты, художники, философы, политики, кто на несколько дней, кто на несколько месяцев, а кто и на несколько лет. Помимо красоты острова, русских, приехавших на остров, привлекала возможность общения с Горьким. Блаженный покой острова был обманчив: за ним скрывалось бурное кипение мыслей и страстей его русских жителей, для которых пребывание на Капри стало важным и порой определяющим жизненным этапом в силу необычайной интенсивности духовной жизни русской колонии. Эту особенность «русского Капри» запечатлели в своих очерках М. Первухин и А. Золотарев, талантливые и оригинальные писатели, забытые ныне на родине. Их имена и творчество должны вернуться в русскую литературу, палитра которой будет неполной без ярких красок этих художников – создателей летописи «русского Капри», жизни Юга Италии. «Итальянские акварели», «Над краем лазурным. Рассказ М. Волохова и др. рассказы» (Москва, Товарищество И. Д. Сытина, 1912) Михаила Первухина, как и «Каприйские новеллы» Золотарева никогда не становились предметом специального исследования и большей частью до сих пор не опубликованы и существуют лишь в виде рукописей.

Первухин начинает свой очерк «Русские на Капри. Максим Горький» (1924) с письма И. С. Тургенева писателю Г. Данилевскому (1871):

Из твоего письма я узнал, что ты провел около месяца в Неаполе, посетил развалины Помпеи, но не нашел времени приехать на Капри. Тебе не стыдно? Неаполь красив, Помпеи очень интересны, особенно для тебя, историка. Но остров Капри — чудо. Да, чудо! И не только потому, что там есть «Голубой грот», но потому что весь остров — настоящий «Храм Богини Природы», воплощение красоты. Я был на Капри три раза за последнее время и скажу тебе: впечатление останется со мной до смерти! Как не воспользоваться возможностью увидеть этот остров? Не понимаю. Таковы все русские: способны пройти равнодушно мимо самой Венеры, если Богиня не будет одета в современный наряд. Но знай, скоро, я уверен, новое поколение русской интеллигенции изберет остров Капри местом своего паломничества, и кто знает, может быть, мы увидим на нем сильную русскую колонию, состоящую из художников и писателей! [Первухин М. К. АГ].

Исторически предназначением острова было вдохновлять творческие личности, поэтов и музыкантов на создание произведений, в которых воспевалась красота природы в гармонии с простой непритязательной жизнью его обитателей. Остров прославился тем, что здесь Мендельсон–Бартольди написал оперу «Вальпургиева ночь» по мотивам

поэзии Гете; Массне создал свою «Ленивую песню» (“Chanson de la paresse”), воспев каприйское dolce far niente; Вагнер вдохновлялся величественным и грозным видом ущелий острова, работая над «Тристаном и Изольдой»; Дебюсси написал здесь «Холмы Анакапри» (“Les collines d’Anacapri”). Мечта Тургенева о русской колонии художников и писателей на Капри отчасти исполнилась в начале XX века. Этот момент запечатлел «русский каприец» Золотарев, задумав цикл «Неаполь и неаполитанское поморье как местопребывание русских писателей».

О Горьком Золотаревым написано несколько очерков. Нас будет интересовать очерк «Каприйский период в жизни Горького и Горьковский период на Капри», задуманный автором еще на Капри для своего неаполитанского цикла. Именно здесь он размышляет о влиянии Италии на творчество Горького и делает немало открытий. Он выявляет итальянский палимпсест каприйского творчества Горького — то, чего не заметили другие читатели и критики Горького. Это относится не только к современникам Горького, но и к позднейшим исследователям его творчества в России и за рубежом.

На Капри была закончен роман «Мать» (1906), написаны повести «Исповедь» (1907–1908), «Лето» (1909), «Городок Окуров» (1909–1910), «Жизнь Матвея Кожемякина» (1910–1911) и др. Произведения Горького не были проанализированы исследователями с точки зрения итальянского присутствия. На итальянский палимпсест творчества Горького на Капри впервые обратил внимание Золотарев, указав на главную особенность этого периода творчества писателя, которое по-прежнему вызывает много вопросов историков литературы.

Золотарев обращает внимание на то, что первое каприйское произведение Горького — «Исповедь» — было плохо принято читающей публикой в России. Та же участь постигла и повесть «Лето». Пафос этих произведений, по мнению Золотарева, шел вразрез с царящим в России настроением упадка после поражения революции 1905 г. Интересно суждение Золотарева о настроении самого Горького, каким увидел его Золотарев на Капри:

В широких общественных кругах наверху популярность Горького заметно падала, как красноречивым языком цифр отмечали отчеты конторы «Знания» за 1906, 1907 и 1908 годы. В то время как в самой России революционное настроение год от году шло на убыль, Алексей Максимович не так быстро терял настроение подъема, с каким он выехал из России в начале 1906 года. Он успел побывать в Америке, успел коснуться «страны света и чудес» Италии, перевидал много интересных людей, а главное, увидел жизнь Европы, которая с юных лет, по романам, казалась ему светлее, чище, праздничнее нашей.

Вот это самое праздничное настроение пронизывает собою первое произведение Горького «Исповедь», написанное на Капри в 1907 году и освещенное всецело итальянским солнцем [Золотарев А. А., АГ, с. 47–48].

Герой повести «Исповедь», несомненно, во многом имеющей автобиографический характер, отказывается от традиционного Бога, трансцендентного, ради Бога имманентного, воплощающего творческие силы человека. Оторвавшись от России и оказавшись в Италии, Горький смог построить свою утопию сотворенного бога, бога–народа. Будь иначе, несомненно, «Исповедь» была бы иной, совсем не праздничной в эпоху реакции и спада общедемократического движения. Каприйские большевики Богданов и Луначарский, ближайшие сподвижники Горького в организации рабочей школы на Капри, каждый по–своему искали пути преобразования мира. «Исповедь» написана в тесном общении с Богдановым и Луначарским в период создания Каприйской партийной школы для рабочих. Философия коллективизма, исповедуемая Богдановым, была одним из источников вдохновения для Горького. Другим источником были идеи Луначарского о создании новой религии — социалистической. Луначарский, испытавший сильное влияние Ф. Ницше, — автор труда «Религия и социализм» (1908–1911) — настоящей энциклопедии «богостроительства», по выражению Г.В. Плеханова [Scherrer 1981, p. 124]. Коллективизм и религия — от одного латинского корня «соединять». Так и для Горького Бог — это комплекс идей, которые «будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм» [Горький М. 1950, с. 507].

Однако Золотарев указывает на недостаточность такого подхода при определении своеобразия пафоса горьковской «Исповеди»:

Не раз в русской печати высказывалось мнение, будто в «Исповеди» Алексей Максимович в художественной форме образами и речами своих героев пересказал идеи Луначарского. Если и говорить о тех идейных вдохновителях, под влиянием которых была написана «Исповедь», то в первую очередь, бесспорно, надо поставить самое Италию [Золотарев А. А., АГ, с. 47].

Золотарев приводит интересные факты, свидетельствующие о существенности итальянских впечатлений писателя при создании его повести:

Идеи Мадзини *Dio e popolo* — Бог и народ, сказки и исторические легенды, выпестовавшие современного итальянца с его культом народного героя — 1907 год был как раз годом празднования столетия со

дня рождения итальянского народного героя Гарибальди и Алексей Максимович живо откликался на все подробности этого чествования. Его особенно поражала и умиляла способность итальянцев сливаться в единое целое. «Дворянин и раб, священник и солдат — одно тело и ты такой же необходимый человек, как все другие» (Итальянские сказки, т. XIV, с. 58) [Золотарев А. А., АГ, с. 48].

Архаичный быт острова Капри позволил Горькому «гениально схватить доминанту итальянской истории, как она сказала на протяжении тысячелетий, начиная с легендарной басни Меневиа Агриппы об единстве членов человеческого тела, рассказанной участникам первой римской забастовки — ухода плебеев на Священную гору» [Золотарев А. А., АГ, с. 48–49]. Золотарев ссылается на известное предание о том, как в 494 г. до н. э. римские плебеи, возмущенные жестокими притеснениями со стороны патрициев, покинули Рим и удалились на Священную гору (невдалеке от города). Посол патрициев Менений Агриппа умиротворил народ, рассказав басню о членах человеческого тела, которые взбунтовались против желудка, за что сами поплатились крайним изнеможением. Таким образом, Золотарев не без оснований утверждает, что народ как единое тело, как «великомученик великий, неисчислимый мировой народ» ясно почувствован был Горьким именно через Италию.

Обращает на себя внимание суждение Золотарева о том, как впечатления Горького от осмотра римских раскопок претворились в идею необходимости преобразования мира, но не революционным, а эволюционным путем. Сам Золотарев, занимавшийся в России распространением подпольной марксистской литературы и агитировавший рабочих, был против кровопролития и считал, что преобразований можно достичь просвещением и сменой мировоззрения. Такой же позиции придерживался Богданов, о чем свидетельствует его роман-утопия «Красная звезда» (1908), написанный в это время. Золотарев видит в «Исповеди» философское обоснование такого подхода:

В Риме Горький осматривал раскопки Форума и слушал объяснение директора этих раскопок археолога Бони <Джакомо Бони (1859–1925) — известный итальянский археолог и архитектор, сенатор, кавалер орденов правительства Италии, автор книг по истории и архитектуре Италии — прим. М. А. А. – В.>. Этот знаток и энтузиаст древнего Рима оживил перед художественным взором Алексея Максимовича преемственную силу Вечного Рима.

Чудится, что и сюжетная ткань «Исповеди» — рассказы о переходе от богопочитания к народопочитанию — имеет бывшую внутреннюю связь с римскими впечатлениями Горького, так как в Риме он воочию, из исключительно ясных образцов, видел смену одного миропонимания

другим, смену языческого христианством и далее прослойки нового социалистического строя в современном папском и королевском Риме. <...> Находясь в центре, в самой, можно сказать, сердцевине Запада около Ветхого Рима, который дважды организовывал мир по своему образу и подобию, Алексей Максимович особенно ясно чувствовал, именно на Капри, значение и силу организации, радость и счастье коллективной, преемственной, из рода в род созидательной, плодотворной работы над преображением мира. Только в Италии Горький с особой силой мог утвердиться на противопоставлении своей новой веры и своего нового знания о том, что надо делать [Золотарев А. А., АГ, с. 49, 61].

Это свидетельство имеет огромное значение для понимания пафоса каприйских произведений Горького. Недаром исследователи назвали искания Горького и каприйских большевиков «другим марксизмом» и «другой революцией» [Strada 1994]. Отголоски «другой революции» звучат на всем протяжении творчества Горького, не терявшего веру в силу коллективизма и необходимость созидательной работы для преобразования мира. Эта мысль прослеживается французским исследователем Мишелем Нике в его статье «Горький–еретик: “богостроитель”». Заключительные слова повести «Исповедь»: «Всеобщее слияние ради великого дела — всемирного богостроительства ради!» [Горький М., 1950. С. 378] —

девиз скорее из масонского словаря, чем из марксистского — таков отныне путь Матвея, то есть Горького: от индивидуализма к слиянию с народом, от созерцания и аскетизма к действию, от «поисков Бога» к «богостроительству» (здесь и далее перевод мой — М. А. А. –В.) [Niqueux 2005, pp. 11–12].

По наблюдению М. Нике, впоследствии Горький перестал пользоваться термином «богостроительство», но характерная лексика (подвиг, чудо, творение, энергия, воля, действие, творческая сила народа, организация, человек – хозяин мира и т.п.) пронизывает все его статьи, начиная со статей «О цинизме» и «Разрушение личности (От Прометея до хулигана)» (1908–1909), выводы которых переключаются с финалом «Исповеди», вплоть до статей 1930-х годов и доклада на Первом съезде советских писателей:

«Богостроительство» не было проходным эпизодом, «ошибкой» Горького, преодоленной им под жестким, но дружеским давлением Ленина, как это утверждают советские учебники. В 1927 г., в десятилетие революции, он вновь пишет о роли человека–«богостроителя»: «Я вкладываю в это слово мысль, что человек творит и воплощает в себе, на земле, способность творить чудеса справедливости, красоты и многие другие, которые идеалисты приписывают силе, существующей вне

человека». Для Горького и его друзей марксизм был философией, призванной преобразить человека, дать ему «крылья» [Niqueux 2005, p. 12].

Историческая роль народа виделась Горькому как единение всех на пути к единой цели — освобождению человека от рабства внутреннего и внешнего, как путь от индивидуализма к коллективистскому пониманию мира, к устроению народного бытия в духе коллективизма. Коллективная сила народа способна совершать чудеса. Так на глазах Матвея она встает и идет расслабленная, несомая энергией толпы. Неслучайно повесть посвящена Ф. И. Шаляпину, воплотившему для Горького Русь–матушку с ее поисками справедливости и правды. Великий певец неоднократно бывал у Горького на Капри, дал средства на просвещенческую Каприйскую школу для рабочих.

Важное идейное значение в повести имеет прославление Матери–земли, кормящей народ, приобщающей его к космическому бытию. Однако Золотарев замечает, что «гимны–молитвы мать–Сырой Земле, что рассыпаны повсюду в “Исповеди”, это гимн не столько Горького–нижегородца, сколько Горького–каприйца» [Золотарев А. А., АГ, с. 50]. Золотарев так развивает эту мысль:

Эпиграфик Южной Италии знает хорошо эту Всемасть-Землю, которой так радостно в самозабвении молится герой «Исповеди»:
«Словно таешь, прислонясь к груди ее, и растет твое тело, питаюсь теплым и пахучим соком *милой матери твоей*, видишь себя неотрывно, навеки земным и благодарно думаешь: “Родная моя”...» [Золотарев А. А., АГ, с. 50].

На основании своих наблюдений Золотарев делает парадоксальный вывод:

Праздничное настроение, переходящее в конце повести в благовест, все — Каприйская мягкость и ласка, полнота и насыщенность, культ матери–Земли и женщины–мадонны, родившей «всех святых и прекрасных людей прошлого» — делают из «Исповеди» самое итальянское произведение Горького. Если по своей литературной конструкции и песенному складу и тону она примыкает к Мельникову–Печерскому и Лескову, то общей своей идеей и многими образами она выдает свое каприйское происхождение [Золотарев А. А., АГ, с. 51].

Помимо общих наблюдений об итальянском палимпсесте «Исповеди», Золотарев отмечает и конкретные детали, указывающие на итальянский контекст повести Горького. Золотарев приводит цитату из повести с собственным комментарием:

«Видел я ее <Землю>, мать мою, в пространстве между звезд, и как гордо смотрит она очами океанов своих в дали и глубины; видел ее, как полную чашу яркокрасной, неустанно кипящей, живой крови человеческой, и видел владыку ее — всеильный, бессмертный народ» [Горький М. 1950, с. 378]. Эта неустанно кипящая живая кровь человечества попала в книгу русского писателя из итальянского города веселых певцов и празднотлюбцев — Неаполя. Только в одном этом городе показывают дивное чудо кипения человеческой крови [Золотарев А. А., АГ, с. 51–52].

Непонимание повести Горького русскими читателями и критикой Золотарев также относит к присутствию итальянского затекста с его праздничным пафосом, который не смогли разгадать современники Горького: «Невозможно исчислить разнообразие людей и выразить радость при виде духовного единства всех их. Велик народ русский и неопишимо прекрасна жизнь!» [Горький М. 1950, с. 373]. Повесть не могла вызвать сочувствие русского читателя именно в силу диссонанса упадочных настроений столыпинской России и горьковского энтузиазма, вызванного его увлечением философией коллективизма и открытием нового Бога — Бога–народа. Золотарев замечает по этому поводу:

Но, конечно, достаточно охлажденным русским людям 1908 года «Исповедь» показалась одним — ходульной и напыщенной, другим — подозрительно поповской и мистичной, третьим — прямо еретической со своим новым, построенным в Италии Богом–народом [Горький М. 1950, с. 497].

Этот диссонанс характерен для всех произведений Горького каприйского периода. Золотарев, анализируя эти произведения вслед за «Исповедью», приходит к убедительному заключению:

Еще больше расхождения обнаружилось у Горького с Россией, когда он следующую свою каприйскую повесть «Лето» закончил бурным радостным аккордом:

— С праздником, великий русский народ! С Воскресением близким, милый! Одним показалось, что Горький берет на себя роль того сказочного дурака, что на свадьбе пел «Со святыми упокой», а на похоронах играл плясовую. Другие критики остряли над превращением Максима Горького в Максима Сладкого под чарами сладостного Неаполя [Золотарев А. А., АГ, с. 52].

Превращение Максима Горького в Максима Сладкого определенным образом сказалось и в хронике «Город Окуров» и «Жизнь Матвея Кожемякина». Там тоже звучит новая формула Горького (в устах постоялки): «Земля – храм, а жизнь богослужение» [Золотарев А. А., АГ, с. 54]. Горький, создавая хронику уездного быта «беспризорного»,

«шаткого», «неверующего» народа, как будто сам испугался нарисованной им безрадостной картины и не кончил хроники. Однако в этой хронике он тоже пытается разбудить к жизни русский народ <«своим славословием», замечает Золотарев>: «Хорош есть на Земле русский народ... хорош, добротный, деловитый народ!» [Золотарев А. А., АГ, с. 54].

Рисуя образ каприйского Горького, Золотарев определяет его внутреннюю суть:

Постоянная забота о русском человеке, напряженная дума о смысле его трудной жизни, тяжелой истории поставили писателя лицом к лицу с Русью. Утешные слова, какие он говорил русским людям, подбадривали их на общую, совместную, коллективную работу, отзываясь по всей стране дождем ответных писателю писем, посылок, рукописей. Как за полвека назад Гоголю из Рима виделась вся Русь с очами, устремленными на него и ждущими призывного слова, так теперь то же итальянское видение Руси встало на Капри перед Горьким [Золотарев А. А., АГ, с. 55].

Задачей каприйского Горького было подбодрить далекий от него в тот момент русский народ:

Надо было не только говорить утешные слова, надо было показать русскому народу, что он действительно хороший, добротный народ, которому открыто славное будущее. <...> Отсюда цикл автобиографических рассказов, начиная с рассказа о попытке к самоубийству «Случай из жизни Макара», кончая целой поэмой «Детство» с эпическим образом бабушки Акулины Ивановны, цикла «По Руси» и цикл итальянских сказок. Вся эта многообразная работа Горького согласно вкладывается в заветные слова дяди Марка: «Не робь, ребята, выкарабкивайся! Встанет Русь, только верь в это, верю все доброе создано, будем верить — и все сумеем сделать!» [Золотарев А. А., АГ, с. 56].

Только в Италии, заключает Золотарев, Горький мог написать:

Страшно хочется жить... хочется петь хвалебную песнь Земле, чтобы она пьянела от похвал, еще более щедро развернула богатство свое, показала бы красоту свою, возбужденное любовью одного из своих созданий — человека, который любит Землю и охвачен желанием оплодотворять ее новой красотой (Окуровский цикл) [Золотарев А. А., АГ. С. 59, 61].

«Богостроительство», по Горькому, это религия делания, борьба с пассивностью, индивидуализмом, пессимизмом, борьба против всего того, что Горький называл «азиатчиной». Уже в Италии формируется его концепция «двух душ», восточной, пассивной и западной —

активной. Краткий период восторженного отношения к русскому народу сменяется недоверием и критическим отношением к нему. Эта тема становится ведущей в переписке Горького с Р. Ролланом (1916–1936) и достигает своего апофеоза в очерке «О русском крестьянстве» (Берлин, 1922). В письме конца декабря 1920 г. Горький как истый западник упрекает Золотарева в славянофильстве, проявившемся, по его мнению, в повести последнего «На чужой стороне». Горький называет Золотарева «азиатом». Он пишет, в частности: «Вообще осторожнее с акафистами доблестям народа российского — народ сырой и в корне отравленный пассивным отношением к жизни» [Из писем Золотарева Горькому 1994, с. 58].

Как блестяще показал отзыв Золотарева об «Исповеди», эволюция творчества писателя не может рассматриваться вне итальянского контекста его жизни на Капри, что до сих пор не было предметом специального исследования. Очерки Золотарева не только восполняют белые пятна научной биографии Горького и уточняют важные факты, связанные с его пребыванием в эмиграции, его окружением на Капри. Они воссоздают историко–краеведческий контекст работы Горького над его каприйскими произведениями. Каприйский период жизни Горького содержит немало сложных социокультурных и политических узлов русской истории, литературы и искусства. А. А. Золотарев во многом очертил сюжеты, помогающие нам понять природу противоречий каприйского периода жизни Горького, развернувшихся в дальнейшем в его творчестве.

Главную идею «Исповеди» он пронес через всю свою жизнь, хотя философия коллективизма во многом послужила причиной его заблуждений и компромиссов:

Сведя Бога к воле народа, Горький подчинил индивида коллективу (и легко принес личность в жертву коллективу), ограничивая свое мировоззрение имманентностью и релятивизмом, оправдываемых верой в «светлое будущее», которая привела его к благословию сталинской «перековки» человека — при сохранении, впрочем, некоторой независимости по отношению к нарождающемуся сталинизму. «Исповедь» является ключевым произведением Горького, собирающим в фокус мучительный поиск идеалов всей жизни писателя: история души, страстно ищущей правду, добро и красоту; символ веры, почти не поколебленный насилием Истории. Да, в этом весь Горький, верующий без Бога, но тоскующий по божественному, доверяющий человеку, несмотря на все противоречия человеческой природы [Niqueux 2005, p. 23].

Несмотря на последующую эволюцию взглядов Горького, его мировоззрение сложилось именно в этот период с характерной для него верой в возможность пробуждения творческих сил и энергии народа для

преобразования общества и природы.

Анализ художественного творчества писателя в соединении с изучением истории и легенд края, непосредственных впечатлений и атмосферы, в которой создавалось то или иное произведение, дают порой неожиданные результаты. Понятие авантекста, как и понятие генотекста, введенное в конце 1960-х гг. французской генетической критикой, постструктуралистской критикой (Ю. Кристева), применимо к такого рода исследованию текста, позволяющему выявить присутствие различных импульсов при создании художественного произведения.

В «Сказках об Италии» (1913) Горький обращается непосредственно к итальянским темам, в которых мы различим пафос его «Исповеди», «Лета» и других каприйских произведений. Великолепные зарисовки Юга Италии, его природы, морских пейзажей становятся фоном для прославления итальянского народа, его внутренней силы, красоты и благородства. Их настроение Ленин назвал «духоподъемным» и призвал Горького писать в том же ключе. Так большинство сказок цикла, всего их 27, содержит этот духоподъемный пафос. Так в сказке 12 мы читаем: «Люди таковы, какими вы хотите видеть их, смотрите на них добрыми глазами, и вам будет хорошо, им — тоже, от этого они станут еще лучше, вы — тоже! Это — просто!» [Горький М. 1911–1913, с. 42]. В сказке 14: «Обо всем можно сказать красиво, но лучше всего — слово о хорошем человеке, песня о хороших людях!» [Горький М. 1911–1913, с. 49]. В сказке 17:

Жизнь прекрасна всем, что мне нравится в ней! Чёрт побери, дорогой мой инженер, для меня слова не только звуки и буквы, — когда я читаю книгу, вижу картину, люблюсь прекрасным, — я чувствую себя так, как будто сам сделал всё это! <...> Группа школьников в белых передниках — мальчики и девочки маршируют посередине дороги, от них искрами разлетается шум и смех, передние двое громко трубят в трубы, свернутые из бумаги, акации тихо осыпают их снегом белых лепестков. Всегда — а весною особенно жадно — смотришь на детей и хочется кричать вслед им, весело и громко: — Эй, вы, люди! Да здравствует ваше будущее! [Горький М. 1911–1913, с. 66].

«Сказки об Италии» Горький писал на протяжении последних четырех лет своего пребывания на Капри. Его оппонент Михаил Первухин утверждал, что русские революционеры остались глухи к красоте Италии. Но как мы видим, «Сказки об Италии» показывают нам увлеченного Италией Горького, ее природой и ее народом — другого Горького, такого, каким он, возможно, не был, но, несомненно, хотел бы быть. В сказке 24 мы читаем:

А любовь к людям — это ведь и есть те крылья, на которых человек поднимается выше всего... Когда человек несет в сердце своем слово, объединяющее мир, он везде найдет людей, способных оценить его, — везде! Ах, дети!... Слушаешь вас, смотришь и — веришь: да, вы станете жить лучше, чем жили мы... [Горький М. 1911–1913, с. 93].

В завершении своего итальянского цикла в сказке 27 Горький пишет:

Площадь пустеет; три светлые фигуры, взяв под руки друг друга, запели что-то, дружно и красиво, и пошли в улицу, музыканты двинулись за ними, и толпа вслед им; бегут дети, в сиянии красивых огней они — точно рассыпанные бусы кораллов, а голуби уже уселись на крышах, на карнизах и — воркуют.

И снова вспоминается хорошая песня:

«Христос воскрес...»

И все мы воскреснем из мертвых, смертью смерть поправ [Горький М. 1911–1913, с. 103].

Его желание воскресить к жизни русский народ нашло свое отражение и в сказках об Италии. Ведь, по его собственным словам, это не сказки, а зарисовки итальянской жизни, какой ее увидел Горький, отдавая себе отчет, что русским рабочим они покажутся сказками. Так окончание каприйского периода творчества Горького ознаменовано тем же чувством, которое сказалось в концовке его повести «Лето», заканчивающейся призывом к воскресению к жизни русского народа: « — С праздником, великий русский народ! С Воскресением близким, милый!» [Горький М. 1950, с. 497]. Таким образом мы можем констатировать присутствие итальянского палимпсеста в пафосе каприйского творчества Горького, ставшим эксплицитным в его последнем каприйском произведении «Сказки об Италии».

Bionote: Marina A. Arias-Vikhil is a Doctor of Philology, leading researcher of the A.M. Gorky Archive of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, curator of international cooperation programmes at the Institute of International Literature of the Russian Academy of Sciences. Literary scholar and translator, she studies the interrelations of Russian, French and Italian literature of the XX-XXI centuries. Author of monographs, textbook chapters and articles devoted to topical problems of foreign and Russian literature of the XX-XXI centuries, comparative studies of Russian, French and Italian literature.

Author's address: marina.arias@mail.ru

Библиографические ссылки

- Ариас-Вихиль М. А. 2015. *А. А. Золотарев об «Исповеди» М. Горького: литературное краеведение (по материалам Архива А.М. Горького)* // «Журнал Института наследия». № 2. <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/18.html> (22.06.2023).
- Горький М. 1950. *Исповедь: Повесть* // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Художественная литература, Москва. Т. 8, с. 211–378.
- Горький М. *Сказки об Италии. 1911–1913*. <http://www.olehnik.ru/files/literatura.pdf> (22.06.2023).
- Золотарев А. А. РГАЛИ. «Горький–каприец». Машинопись. РГАЛИ. Ф. 218, оп.1, ед. хр. 9.
- Золотарев А. А. АГ. *Каприйский период в жизни Горького и Горьковский период на Капри*. Машинопись. Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. АГ МоГ 4–16–2.
- Из писем А. А. Золотарева А. М. Горькому* 1994. Публ. И.Н. Веселовского, вст. ст. В.Е. Хализева in «Известия Академии наук. Серия литературы и языка». Т. 53. № 2. Март–апрель. С. 56–73.
- Московская Д. С. 2015. «Китежанин» Алексей Золотарев (к 135-летию писателя) // «Журнал Института наследия». № 2. <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/17.html> (22.06.2023).
- Первухин М. К. *Русские на Капри. Максим Горький*. Статья из журнала «Pagine dell'isola». Пер. с итал. М.А. Ариас-Вихиль. Архив А.М. Горького ИМЛИ РАН. АГ Кол. Цв. 18–1.
- Niqueux M. 2005, *Un Gorki hérétique: le «Constructeur de Dieu»*, in Gorki M. 2005, *Une confession*, M. Niqueux trad., Phébus, Paris, pp. 9–23.
- Scherrer J. 1981, *L'intelligentsia russe: sa quête de la «vérité religieuse du socialisme»*, in «Le Temps de la réflexion» II, Galimard, Paris, pp. 113–152.
- Strada V. 1994, *L'altra rivoluzione. Gorkij – Lunacarskij – Bogdanov*, in Strada V. 1994, *La “Scuola di Capri” e la “Costruzione di Dio”*, Edizioni La Conchiglia, Capri.